

Игорь Игнатенко

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Вопрос был краток:

— Плавать умеешь?

Алексей выпалил по-уставному, не раздумывая:

— Так точно!

Капитан Волошин прищурился, помолчал и задал второй вопрос:

— На ту сторону переплывёшь?

В блиндаже повисла тишина.

Щетинистый подбородок офицера двинулся вправо-влево. Когда он говорил, Алексею казалось, что капитан словно жуёт слова, откусывая ненужные.

— Чего молчишь?

— Туда смогу...

Худощавый солдатик сглотнул слюну. Кадык больно упёрся в туго застёгнутый подворотничок.

Тени на лице капитана перебежали с одной щеки на другую и растворились в блиндажном сумраке.

— Надо и обратно.

— Так точно...

Капитан опять подвигал нижней челюстью, укорачивая фразу:

— Ну, так слушай...

Инструктаж был сух и лаконичен.

Ночью предстояло на их участке границы переплыть на правый берег Амура и выяснить обстановку. На западе страны уже месяц как грохочет война с немцами. Китай оккупирован японцами. Миллионная Квантунская армия вплотную приблизилась к

дальневосточному рубежу СССР. Отношение простого китайского народа к японским оккупантам сугубо отрицательное. Однако рассчитывать на местное население особо не приходится, против штыков с голыми руками не попрёшь.

Говорить обо всём этом рядовому солдату Алексею Брагину капитан не стал, время дорого. Да и чем меньше знает про общую задачу разведчик, тем для него же лучше.

Разведрота Н-ского укрепрайона, которой командовал капитан Волошин, должна была следить за техникой и живой силой противника, определять места наибольшего скопления воинских частей, чётко знать места оборонных сооружений и возможных переправ на нашу сторону. Сам укрепрайон заполнял кадрированный мотопехотный полк. Все его роты не имели и половины списочного состава. Только командиры подразделений по штату. Вот и в роте разведки офицер налицо, а командовать-то почти и нечем. Вместо сорока обученных солдат — полтора десятка новобранцев. А вверенный для обороны участок границы протянулся на добрую сотню километров. Его ещё и не обустроили как следует. Зато спрос повышенный с каждого, кто несёт здесь службу.

Брагина на ответственное задание командир выбрал не случайно. Парень родом из этих мест, коренной амурец. Окончил семилетку в сельской школе, работал трактористом в колхозе. Характеристика положительная: комсомолец, политически грамотен, значкист ГТО, ворошиловский стрелок. Курс молодого бойца прошёл успешно, отлично овладел табельным оружием. Проявил способности к изучению китайского языка. К тому же с детства ходил на рыбалку и охоту вместе с отцом, умеет маскироваться и в приречных зарослях, и на открытом пространстве. Ему предстояло скрытно перебраться ночью на противоположный берег и постараться углубиться на максимально возможное расстояние. Надо выяснить, насколько близко к границе придвинулись японские воинские части. Что они там находятся, капитан не сомневался. Вводная из штаба корпуса давала точное указание на это.

Капитан почти наверняка догадывался, что подобное задание получили и соседние подразделения по всей линии ещё не вспыхнувшего фронта. Дамоклов меч повис над дальневосточными краями. Надо было готовиться к любому сценарию развития событий. Гитлеровцы рвутся к Москве. Очевидно: случись что — японцы не заставят долго себя ждать на советском Дальнем Востоке.

На подготовку к форсированию Амура у Брагина оставался день. Надо было провести рекогносцировку противоположного берега реки. Причём сделать это максимально осторожно, чтобы комар носа не подточил, как сказал командир разведроты. А с комарами в июле полный порядок, наплодилась чёртова туча. «Летели бы на ту сторону и атаковали япошек», — усмехнулся разведчик.

В девятнадцать лет без улыбки жить нельзя, тем более на войне.

День выдался солнечным и ветреным.

Лезть на пограничную вышку небезопасно. И не потому, что могли подстрелить, а вот насторожиться — это как пить дать. Амур в среднем течении не шире километра, всё видно как на ладони. В июле большой воды здесь не бывает.

Метрах в пятидесяти от берега стояли несколько тополей, местному осокорей, покрытых крупными, в ребристых прожилках, листьями. Ловкий и цепкий, как бурундук, Алексей по тыльной стороне самого обхватистого дерева взобрался к толстому суку, на котором громоздилось обширное воронье гнездо. Птичий помет успел высохнуть и пачкал ладони не хуже извёстки. Нет худа без добра — руки крепко держались на скользкой коре. Судя по всему, хозяева гнезда успели вывести птенцов и покинули добротное колючее жилище, сплетённое из крепких хворостин и пучков травы.

Пристроившись чуть пониже гнезда так, чтобы полностью скрываться за ним, разведчик утвердился на подходящей ветке, высунул голову и стал осматривать правый сектор китайского берега.

Жаль, командир запретил воспользоваться биноклем. Солнце прокатывало свою траекторию над противоположной стороной.

В облачную погоду ещё терпимо, но сегодня ничто не закрывало светило, и линзы бинокля неизбежно выдали бы своим блеском наблюдателя.

Алексей покрепче ухватился левой рукой за дерево, сжал правую ладонь в кулак, оставив небольшую дырочку, и поднёс импровизированный окуляр к глазу. Так его учил ещё в детстве батька наблюдать из охотничьего скрадка за утками на озере. «Прибор» не увеличивал изображение, зато давал чёткость наблюдаемым объектам, поскольку посторонние предметы исчезали из поля зрения. Да и глаз, упираясь в кулак, защищался от контрового света. Приём, проверенный не раз и всегда приносивший пользу.

Река начинала километрах в двух отсюда длинный плавный изгиб, пряча верховье в дымке жарких испарений. В малую воду песчаные косы далеко вдавались в русло. Безлюдно и тихо. Надо подождать с десятков-другой минут, чтобы заметить возможные изменения обстановки. Хотя и то этого времени мало, чтобы делать далеко идущие выводы.

Верховой ветер сдувал комаров и оводов, прижимал гнус к земле. Это заметно облегчало задачу наблюдателя.

Выждав, Алексей выглянул слева от гнезда. Амур здесь круто заворачивал на юг, в Китай. Тот же высокий прибрежный откос, над которым нависала обрывистая луговина, уходящая к дальним сопкам, замыкающим всю ширину окоёма. То же безлюдье и невозмутимость. Различать что либо на луговине мешала высокая трава, усеянная купами краснотала и вербы. Порывы ветра шевелили белёсые венчики вейников, и казалось, что по луговине бегут волны, верхушки которых пенились, как на большом озере. Чуть взблёскивала меж кустов полоска то ли ручья, то ли речушки. Место её впадения в Амур пряталось в густом ольховнике, вывернувшем на ветру серебристые изнанки листьев.

Ещё левее густо зеленели соевые поля, за которыми виднелись редко раскиданные подслеповатые фанзы китайской деревеньки.

На середине фарватера гигантской рыбиной вытянулся остров, отхваченный от русской земли в стародавние времена в пору весен-

них разливов мощным течением. Он порос ивняком, черёмухой и боярышником. Тёмно-зелёной листвой выделялись кусты калины.

Если учитывать силу течения, именно к нему должно было снести ночью разведчика. Это заметно облегчало задачу. На острове можно передохнуть, осмотреться, а затем в подходящий момент завершить форсирование реки. Навскидку выходило, что протока между нашим берегом и островом была шириной метров в триста-четырееста, не больше.

Осмотрев раскинувшуюся панораму, Алексей присмотрелся к подножию сопок. Какая-то слишком ровная полоса прочерчивала перспективу, словно кто-то приложил линейку и длинным росчерком провёл тёмную линию.

Ночью на той стороне вряд ли он сумеет добраться туда. Надо обмозговать с командиром полученную визуальную информацию. Капитан Волошин у них голова, ещё в Монголии, на Халхин-Голе, воевал, участвовал в боевых действиях у озера Ханка в Приморье. Всякого повидал, академию военную окончил.

Плотно прижимаясь всем телом к стволу осокоря, Алексей спустился к подножию дерева.

Совещание с командиром придало Брагину уверенности. Капитан был немногословен, избегал общих фраз. Чёткие установки, внятные и убедительные, врезались в сознание. Словно пружины взводились в мозгу, готовые в нужную секунду сработать единственно верным образом. В боевой обстановке выбирать долго не приходится. Кто промедлил, тот проиграл.

Напоследок капитан взял со стола книжицу в ладонь величинной, открыл на шёлковой закладке.

— Я тут вот на досуге изучаю восточную философию. Врага надо знать со всех сторон. Глядишь, и у противника научишься чему-то полезному. Кэнко-Хоси, писатель такой японский, семьсот лет до нас с тобой жил. Послушай и запомни на всю оставшуюся биографию.

Капитан упёр палец в обведённое химическим карандашом место на желтоватой страничке:

— «Если ты раздумываешь, делать это или не делать, то, как правило, бывает лучше этого не делать». Смекаешь? Лучшей установки для разведчика не придумать. Ну-ка, повтори, как понял.

Брагин поднял выгоревшие светлые брови так, что они упёрлись в пилотку.

— Если сомневаешься, делать чего или нет, то лучше не делать. Командир удовлетворённо кивнул головой.

— Суть ухватил верно. Впечатай в мозги крепко. Не раз потом спасибо скажешь японцу.

На всю операцию отводилось короткое ночное время. В июле это часа четыре, от силы пять, между вечерней и утренней зорями.

Прикрытие обеспечит отделение разведки. Солдаты сопровождают Брагина до исходного места переправы, проконтролируют обстановку в течение ночи. Они же должны принять разведчика на обратном пути. Основная установка — максимальная скрытность.

Старшина разведроты Карпов, тридцатилетний усатый мужчина крепкого телосложения, с округлым лицом гурана, черно-волосый, занялся экипировкой Брагина и технической частью переправы. Во-первых, надо было переодеть его в простенькую гражданскую одежонку, подобрать что-то на ноги. Всё это отыскалось на складе, где хранились обувь, порты и рубахи, в которых прибыли в часть новобранцы.

— Не на строевой плац идёшь, — добродушно пошутил старшина и расширил в улыбке усы. — Козырять там некому.

В один ботинок засунул нож-складень.

— Это тебе не воевать. Разве что в крайнем случае... Пригодится шесток вырезать, проход в заграждении проделать. Но вообще-то лучше действуй голыми руками. Спокойнее будет.

Брагин кашлянул в горсть и вдруг охрипшим голосом спросил:

— А гранату можно?

— Это зачем же тебе гранату, боец? — недовольно буркнул старшина. — Сказано, всё тихо должно быть.

— Рвану, если что...

Всерьёз осерчавший Карпов цыкнул на разведчика построжавшим до металла голосом.

— И думать не смей швырять себе под ноги армейское добро! Лучше чего не увидеть, чем вступить с противником в контакт. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Осмотрись по сторонам, все пути подходов и отступления проконтролируй. Вплотную к непонятному объекту не приближаться!

Алексей насупился, внимая наставлению.

— Ты мне это из головы выбрось! Герой... На войне всяко бывает. Удача солдата в его руках. Тише едешь — дальше будешь.

Старшина помолчал, подобрел глазами.

— Всё получится, как надо! Вот тебе моё последнее слово.

Алексей вспомнил установку капитана. Всё сходилось одно к одному. Командиры у него толковые, надо только самому не подкачать.

Решили смастерить плавучее средство из небольшого сухого бревна, а снизу для остойчивости прибить пару поперечных досок. Скатку с одеждой и обувью разместить на конце брёвнышка, чтобы издали было похоже на корневище пльвущего дерева. Амур тащит на себе немало разного хлама, плывут и топляки, и добротная древесина. За скаткой и голова пловца не будет видна.

Старшина велел повару приготовить для Брагина сытный ужин, тушёнки в кашу положить не скупясь. Хлеба и овощей вволю.

— Ешь впрок! — скомандовал Карпов. — Запасайся калориями.

Упрашивать ещё растущего и постоянно нуждающегося в подкормке парня не пришлось.

Запив ужин крепким чаем внакладку, Алексей отправился в казарму отдохнуть, пока не стемнеет. Лёг на койку, застланную соломенным матрасом и покрытую колючим суконным одеялом. Набитая сушёной травой подушка привычно хрустнула под головой. Запахло горьковато полыньёю и чабрецом.

Перед закрытыми глазами поплыла панорама дальнего берега реки. Непонятная тёмная полоска у подножия сопот придвину-

лась до осязаемой различимости, стала траншеей. В одном месте почудилась голова в японской фуражке, блеснул штык винтовки-арисаки. Алексей сунул руку за голяшку ботинка, вытащил нож. Японский солдат насторожился. Вскинул винтовку к плечу и прицелился. Сейчас грянет выстрел! Алексей замычал от невозможности крикнуть, дёрнулся всем телом, махнул рукой...

— Вставай, Брагин! Пора.

Старшина Карпов стоял у кровати и тормозил за плечо.

— Сдай документы.

Алексей полез в нагрудный карман гимнастёрки, извлёк небогатое содержимое. Всего-то ничего — солдатская книжка со звездой на обложке, перегнутый вдвое конверт с письмом из дома, фотокарточка круглолицей девушки с русой косой, перекинутой на грудь.

Старшина принял невеликое добро, положил в планшетку, висевшую на плече.

Брагин тем временем переоделся в припасённую одежду, обулся.

— Славный вышел пастушок! — одобрил старшина.

Получился вполне себе деревенский паренёк, почти подросток. Выгоревшие на солнце брови, оттопыренные уши-лопушки дорисовывали картину. Стриженная месяц назад под «нулёвку» голова была словно облита сметаной. И конопушки на носу тоже кстати.

Алексей растянул потрескавшиеся обветренные губы в невольной улыбке. Пастушком-то он бывал, а вот какой из него разведчик получится? Очень не хотелось оплошать, подвести командиров.

Сумерки сгустились и обещали безлунную ночь. Начальство заранее предусмотрело это выгодное обстоятельство.

В сопровождении отделения разведчиков отправились к берегу. Двое солдат несли брёвнышко. За прибрежным ивняком, густой стеной прикрывавшим подход реке, остановились.

Ласточки носились низко над водой, потом улетали в свои круглые норки на песчаной береговой стене.

— К непогоде... — определил поведение птиц старшина. — Мошкару к земле давит. Должно, к утру задождит. Да и колени чего-то крутит... Застудился на тех болотах возле Хасана. Теперь с личным барометром хожу.

Брагин разделся до трусов, припасённым обрезком верёвки туго затянул скатку с одеждой и ботинками, приторочил к концу брёвнышка излюбленным узлом, чтобы на том берегу не возиться вслепую, распутывая чужую вязку.

Старшина проверил надёжность подготовки.

— Порядок! Кораблик готов.

Потом окинул напоследок взглядом фигурку солдата с головы до ног. Худенький, мосластый. Но и жилистый тоже ощутимо. На добротных харчах рос в молоканском краю. В крестьянском труде закалённый сызмала.

— Ну, давай...

Ползком выбрались из ивняка на берег и направились к урезу воды.

Кораблик закачался в заводи у косы. Алексей, стараясь не плескать, вошёл в воду, ухватился за комель брёвнышка. Махнул рукой сопровождавшим солдатам, отсылая их в укрытие.

Дальше предстояло действовать в одиночку и рассчитывать только на себя.

Июльская вода хранила в верхних слоях солнечное тепло. Внизу ноги обвивали прохладные струи. Как назло, дувший днём ветер к ночи совершенно утих. Зеркало воды было усыпано звёздами, дрожавшими в речных переливах. С одной стороны, это убыстряло переправу. Однако лёгкая волна не помешала бы, маскируя передвижение разведчика и гася в своём плеске посторонние звуки.

Оттолкнувшись, Алексей поплыл, держась одной рукой за брёвнышко и подгребая под водой другой, пряча голову за скаткой. Сильное прижимное течение мешало быстро удаляться от берега. Где-то впереди слева был остров, растворившийся во мраке. По расчётам надо было прибиться к нему чуть ниже оголовка.

Алексей попробовал дрыгать по-лягушачьи ногами, чтобы ускорить движение. Но в какой-то момент ноги подвсплыли и раздался шлепок по воде. Пришлось оставить это рискованное упражнение. Не хватало, чтобы его услышал кто-нибудь на той стороне.

Наконец впереди стала нарастать тёмная глыба острова. Ещё десяток-другой гребков — и брёвнышко ткнулось в травянистую кромку обвалившегося бережка.

Алексей подтянул повыше кораблик и закрепил за ствол упавшего куста черёмухи. Затем лёг на еще хранившем остатки дневного тепла песке. Силы возвращались помалу, никогда еще не приходилось плавать так долго. Вода словно насосом выкачала из него энергию, налила мышцы тяжёлой усталостью.

В глубине острова глухо ухнула выпь: «Ухх-уу!». Немного погодя подала голос другая ночная птица: «Дудеть буду-у-у...» Это удоуд завёл свою монотонную песню. Птицы разговаривают на своём языке, значит, он их не напугал. Уже хорошо!

Ладно, довольно отлёживаться.

Алексей крадучись пробрался сквозь заросли, путаясь в переплетениях лимонника и дикого винограда. Руки царапали шипы, росшие на стволах боярышника. В ивняке лицо облепила паутина, развешенная пауками-мухоловами. Босые ноги скользили по древесной подстилке, цеплялись за траву. Подошвы больно кололи концы сломанных веток.

На краю острова замер и стал вслушиваться. Удоуд и выпь смолкли, чутко уловив перемещение чужака в своих владениях. Но это и к лучшему. Теперь ничто не мешало распознать, что творится там, куда он стремится.

Китайский берег молчал. В этой тишине таилась опасность.

Тем же путём возвратился назад.

Перетолкав кораблик вдоль бережка острова, он вскоре очутился перед рукавом реки, преодолеть который оставалось так же скрытно, как это он сделал получасом раньше. Река здесь заметно суживалась. Ночь не давала передышки.

Загадывать дальнейшее не позволяло время. Алексей жил только тем, что делал сейчас. Странно, он ещё ни разу не почувствовал страха. Словно кто-то другой вместо него движется по намеченному пути. Тело начало стыть в ночной прохладе и порой набегала судорожная дрожь.

Немного погодя он двинулся от острова, увлекаемый завихряющимся потоком. Сердце бурно било в грудь. Каждый гребок давался, как последний.

Но вот ноги стали задевать пологое каменистое дно.

Ещё разок! Ещё один. Ещё...

Алексей спружинился, оттолкнулся посильнее и вытянулся в струнку. Кораблик захрустел чуть слышно по гравию и замер, словно брёвнышко тоже выдохлось в конце пути.

Алексей переводил дух и пытался вслушиваться в окружающее пространство. Голова кружилась.

Он перешёл рубеж... Он за границей... Он в чужой стране...

Наконец звон в ушах мало-помалу затих. Стали наплывать ночные звуки, которые он узнавал и оттого успокаивался.

Вот дунул в свою дудку на острове удов...

А это вверху на луговине зажижикал, усиливаясь с каждой минутой, лягушачий хор...

Воздух над головой с едва уловимым свистом пронизала зигзагообразно летучая мышь...

Левее чуть слышно шумел поток впадающего в Амур ручья. Это его Алексей разглядел днём с тополя. В устье ручья должна быть курья, широкий заливчик, удачное для рыбалки место, где можно спрятать кораблик. Сейчас утомлённый разведчик отчётливо осознавал, что обратно без испытанного плавучего средства ему не выбраться.

Восточный край неба ещё пребывал в чернильности ночи. Но это продлится недолго.

Алексей поплыл вдоль берега и вскоре попал в курью. Вода в ней оказалась заметно холоднее, чем в реке, и слегка парила, сгущая мрак.

Вдруг брёвнышко уткнулось в какое-то невидимое препятствие, которое подалось немного и плавно оттолкнуло пловца назад.

Должно быть, рыбацкая сетка!

Перехватывая за берестяные поплавки, Алексей добрался до конца сетки, закреплённой за кол. Привязал кораблик и уже собирался снять скатку, как из тумана тихо, но отчётливо, раздался хриплый голос:

— Эло-сы жэнь?*

Алексей замер на мгновение, затем ответил:

— Тун-го жэнь.**

Тем временем он лихорадочно искал нож. Наконец нащупал его и вытащил, отщёлкнув лезвие. Так просто он не сдастся!

— Не бойся, паря. Только не дури, — без акцента произнёс невидимка. — Вылазь сюда. Ничё плохого не сделаю.

Ни китайцы, ни тем более японцы не могли говорить так чисто по-русски.

— Не вздумай шуметь!

Плыть назад? Кинуться с ножом вперед? Раздумывать некогда.

Почему-то вспомнился японский писатель. Всплыл конец фразы: «...лучше этого не делать».

Движимый превосходящей волей, он выбрался на землю.

И много лет позже Алексей Брагин в мельчайших деталях видел ту ночь. Словно чёрной тушью на длинном листе рисовой бумаги нарисовал художник несмываемую временем картину.

Приступок курьи зарос осокой. Сквозь неё вверх вела узкая тропинка. В конце чернела распахнутая дверь землянки. На фоне звёздного неба появилась сутулая фигура. Человек приблизился к Алексею, взял за руку и помог забраться в заполненную мраком землянку. Усадил на земляной приступок, устланный сеном. Пахло сыростью, плесенью, рыбой и чесноком.

* Эло-сы жэнь — русский человек.

**Тун-го жэнь — китаец.

— Ща, погодь... Огонька вздую.

Незнакомец притворил слегка скрипнувшую дверь. Чиркнула спичка. Огонёк поплыл к столику, ткнулся в фитиль фонаря. Коптя и потрескивая, тот выхватил из мрака бородатое лицо хозяина землянки.

«Совсем как у деда Крошко», — невольно подумалось Алексею. Дед рыбачил на озёрах возле родной деревеньки Степновки и жил в подобной землянке.

Круглые глаза уставились на Брагина.

«Нет, это не китаец! Да и японцы не такие», — промелькнуло в воспалённом сознании разведчика.

— Времени у нас с тобой, паря, в обрез. Давай сразу о деле покалякаем. Накось, прикройся. Вона как тебя трясёт! Поди, наплавался...

Человек накинул пареньку на плечи сухую хлопчатую лопотинку, под которой дрожь вскоре унялась. Только сердце трепыхалось в груди от страха неизвестности и полной беспомощности.

— Значит, говоришь, китаец. Ну-ну... Я вот тоже китаец, навроде твоего...

Ухватившись за бороду, хозяин землянки прищурился и действительно вдруг стал, как две капли воды, похож на китайца.

— Спрашивать не буду, зачем приплыл. Понятное дело, зачем... Тебя солдатский «ёжик», кому хошь, выдаст. Ну, так вот... Всё, о чём стану толковать, запоминай накрепко. Повторять некогда. Только подкрепись да испей чайку для сугреву.

Бородач снял с чугунной печурки закопчённый чайник, налил в кружку. Из котомки достал круглую чёрную лепёшку.

— Ишо тёплый, не остыл на угольках на берёзовых. Пын-ючи. Ешь, дружок. Отвык я от родного языка, не серчай, ежели ляпну чего не по-нашему. Давно не говорил со своим человеком.

Жажда напомнила о себе. Кружка тут же опустела. Чай был зелёный, горьковатый. Когда-то Алексей с отцом пил такой в городе и запомнил вкус. Пресная лепёшка пошла на сухую, благо аппетит объявился волчий.

— Японцев в деревне рота стоит. Месяц назад привезли с Сахалина* на машинах. Пароходы сейчас по Халузяну, по Амуру то есть, не плавают. Стали траншею под сопками рыть, нас тоже на ту работу погнали. Там у них два блиндажа. Начали бетонные доты делать. Это поближе к берегу.

Тут-то Алексей и догадался, что виделось ему под сопками, когда днём с тополя разглядел непонятную тёмную линию.

Фитиль в фонаре затрещал сильнее обычного, завоняло нефтяным палевом.

— Ну, так вот... Дотов будет не меньше пяти, места уже подготовили. Как построят, пригонят ещё солдат. Думаю, не меньше батальона. Ротой позицию не удержишь. Это ежели про оборону толковать. Когда наступать надумают, ишо нагонят. Сейчас у них винтовки да пулемёты, орудий нет. Но подвезут, понятное дело. Хотя наступать — жила у них тонка, так думаю.

Алексей заворочался по сему на топчане, отогревшись и слегка придя в себя. Даже осмелел чуток. Небось, хуже уже не будет. И так, как курёнок, попался в руки неизвестному человеку.

— Складно у тебя, дядя, выходит. Будто ждал меня.

— Да, почитай, лет двадцать поджидал, когда ты тут появишься.

— Как так?

— А так. Ты на ус мотай, да при чужих не разматывай. Не думал я ни перед кем исповедоваться, пока ты не объявился.

Человек подался в сумрак, будто ушёл в своё прошлое.

— Родом я из Степновки. Отсюда вёрст пятьдесят будет. Может, слышал? Молокане мы, семья большая, зажиточная. Была... Работали от зари до зари. Голодом не сидели. А как большевицкий переворот случился, нас в кулаки быстренько местная голытьба определила. Враз хозяйство располовинили — лошадей, коров, овец. А тут в марте восемнадцатого восстание в Благовещенске супротив новой власти. Лет мне было, сколько тебе сейчас. Замятежились мы

* Сахалин — старое русское название Хэйхэ.

с атаманом Гамовым, думали старое вернуть. Да куда там! Мухин красную армию мобилизовал, подмогу из Хабаровска вызвал. Неделю мы продержались и дали дёру. Главари в Маньчжурию убёгли. Кто в Харбин, а кто ещё дальше. Золотишко-то имя удалось прихватить. Побёг и я, да недалёко ушёл. Подстрелили на переправе в ногу. Только до этой деревеньки и дошкандыбал. Приютили в одной семье, лечить стали. Больше травами. Слава богу, оклемался.

Алексей слушал, затаив дыхание. Только когда бородач помянул Степновку, ворохнулся было с вопросом, да попридержал язык. Мало ли... Ляпнешь чего не надо, потом и пожалеть не успеешь.

— Женился я на хозяйской младшей дочке. Она и выходила меня. Уже сын-ламоса* навроде тебя возрастом. Вместях хозяйнуем, сою рóстим, чумизу, чушек держим, курей. Торговать в Сахалин ездим. Да...

Мужчина прервал рассказ, пошёл к двери и выглянул наружу. Потом возвратился и сел рядом.

— Лягушки замолчали. Скоро гроза, должно быть. Рана ноет шибко...

Он придвинулся вплотную, вперился взглядом в самую душу.

— Когда начальству докладать будешь, про меня вот что скажи... Дескать, так и так, наткнулся на русского беженца... Спиртоносом был, контрабанду через реку переправлял. Ну, и осел тут, испугался пограничной «чеки». Ты, смотри, про мятеж ни слова, а не то пришьют контру какую. На этой стороне не я

один такой. Должны поверить. Так случилось... А сейчас война. Не японцам же прислуживать!

Бородач крякнул раздумчиво:

— Ты, верно, сумлеваешься, чего это я тут ночью делаю. Не так?

— Есть такая мысль, — признался Алексей.

— Командир роты любит свежих сазанчиков. Японцы на рыбешки рощены, известное дело. Вот и дозволил промышлять по ночам. Чуток улова разрешает себе забирать.

*Ламоза — ребёнок русского и китаянки.

Он прервался и вновь выглянул наружу.

— Гремит уже в гнилом углу*. Скоро сюда натянет. Пора тебе домой.

Алексей сбросил лопотинку, поднялся и двинулся вслед за хозяином на вольный воздух.

С южной стороны тянуло прохладным сырым ветром. Над высветившимися сопками небо пронзил сполох, потом, немного погодя, громыхнуло. После нового сполоха Алексей посчитал до грома, вышло с десятков. Значит, гроза на подходе, километрах в трёх-четырёх. Скоро и здесь ливанёт.

«Как бы отблагодарить земляка?» — подумалось невольно. Но вместе этого сказал неожиданно откровенно:

— Я ведь тоже степновский. Брагины мы.

— Вона как обернулось! — застонал бородач. — Видно, есть бог на небе.

Он ухватил парня за руку, сжал крепко.

— Кошелевых знаешь?

И, не дожидаясь ответа, прошептал горячо:

— Поклонись, кто живой, скажи — от Степана. Только не наболтай лишку, не навреди. Начальству — молчок! Ни имени, ни фамилии. Спиртонос я был, спиртоносом и помру.

Он помог Алексею вызволить брёвнышко.

Сполохи мелькали рядом. Гром не перекатывался, а разрывался со страшным грохотом над головой.

Хлынул ливень.

Алексей выплыл из курьи в Амур. Он понял это потому, как его обвила тёплая струя и согрела после родниковой стылости покинутого ручья.

Небо ещё хранило мрак. Лишь на востоке, куда он плыл, начинало розоветь.

Там ждали Брагина.

*Гнилой угол — местное название юго-востока.